

Прошло довольно много времени, прежде чем Гу Чжэнь приоткрыл один век и тихо спросил:

— Ушёл?

Хэ Сюйлян тихо отозвался утвердительно, и только тогда Гу Чжэнь облегчённо вздохнул. Он опустил на стол и размахивал рукой.

— До смерти болит... Этот стол что каменный.

Хэ Сюйлян, не подавая вида, взял его за руку и начал аккуратно разминать, опустив взгляд.

— При таких обстоятельствах Гао Сю не оставит это так. Тебе в будущем будет нелегко.

Гу Чжэнь не стал отдёргивать руку, позволяя Хэ Сюйляну делать своё, и с ухмылкой посмотрел на него.

— Ничего. Чтобы напугать обезьяну, нужно убить курицу, а кто-то же должен стать этой курицей. Иначе когда же исправятся нравы? К тому же, ведь ты со мной?

Хэ Сюйлян снова низко и протяжно произнёс:

— Угу.

Гу Чжэнь почесал подбородок, начал сомневаться, почему сюжет в книге теперь так перепутан. Будь то предыдущая история с Лосиньфу или нынешнее появление Бессмертной жемчужины белого ян — время всегда неверное. Неужели это из-за его влияния?

Гу Чжэнь почесал затылок и спросил:

— Эй, как ты думаешь, что за человек Минь Юйсинь?

Хэ Сюйлян, не поднимая головы, ответил:

— Она — Верховная жрица Пяти Янь и Гаолю.

Гу Чжэнь вытаращил глаза от удивления.

— Откуда ты знаешь?

Только тогда Хэ Сюйлян поднял на него взгляд и медленно произнёс:

— В детстве она какое-то время жила в Вратах Жусун.

Неизвестно когда прятая в темноте Си Юэ уже исчезла.

Вернувшись в резиденцию, Гао Сю для начала разбил в комнате все горшки и чашки, а затем пнул нескольких слуг, пытавшихся навести порядок. Когда он выплеснул злость, вошла Минь Юйсинь.

Увидев её, Гао Сю тут же сменил гнев на милость, поклонился и сказал:

— Верховная жрица.

Минь Юйсинь обошла осколки, подошла прямо к столу, села и презрительно усмехнулась:

— С такой узостью души ты ещё хочешь захватить власть? Думаю, ты даже не сравнишься с тем канцлером, которого ты в своих речах называешь журавлём, не танцующим, не говоря уже о мужчине рядом с ним.

Гао Сю вздохнул:

— Он... Раньше он совсем не был таким... Просто не знаю, почему вдруг изменился до неузнаваемости...

Минь Юйсинь взяла чайную чашку, сделала глоток и прищурилась:

— Эти двое — не простые люди. Даже Бессмертная жемчужина белого ян не видит насквозь мысли того канцлера. А что касается того мужчины с серебряными волосами и золотыми глазами...

Минь Юйсинь умолкла, залпом допила чай из чашки, и на её лице появилась улыбка с неясным значением.

Гао Сю сказал:

— Тот Хэ Сюйлян — всего лишь простой воин, никакого истинного таланта у него нет.

Минь Юйсинь вздохнула, покачала головой:

— Гао Сю, а Гао Сю, ты слишком недооцениваешь Врата Жусун. Почему в тот год ваш канцлер решил бросить половину военной силы Цзяньюнь, чтобы уничтожить Врата Жусун? Ты об этом никогда не думал?

Гао Сю растеряно произнёс:

— Этот нижестоящий глуп...

Минь Юйсинь улыбнулась, мысленно снова произнесла то имя.

Хэ Сюйлян.

Гу Чжэнь спросил:

— Значит, она тоже твоя младшая сестра по учению?

Хэ Сюйлян кивнул:

— Строго говоря, можно считать так.

Гу Чжэнь странно посмотрел на волосы Хэ Сюйляна, потом уставился на его глаза и сказал:

— Не должно быть так... Твоя внешность такая приметная, она должна быть в состоянии узнать тебя, верно?

Хэ Сюйлян опустил руку Гу Чжэня, покачал головой и произнёс:

— Неясно.

Гу Чжэнь подался вперёд и спросил:

— Эй, расскажешь мне про Врата Жусун? Та Минь Юйсинь тоже человек из Цзяньюнь?

Хэ Сюйлян долго смотрел на Гу Чжэня, только потом выдавил:

— Неудобно тебе говорить.

Гу Чжэнь застыл на мгновение, потом сложил губы, не удержавшись от чувства тоски, но не стал расспрашивать дальше. Подумал: не хочет говорить — не говорит, кого это волнует, я вернусь и спрошу у Седьмого брата!

Просто почему-то было очень неприятно!

Гу Чжэнь потёр волосы, встал и сказал:

— Ладно, время уже позднее, я сначала вернусь отдохнуть немного. Позови меня, когда будем есть.

Хэ Сюйлян потянул его за рукав, Гу Чжэнь с недоумением посмотрел на него:

— Что?

Хэ Сюйлян поднял голову и, чеканя каждое слово, произнёс:

— Я не причиню тебе вреда.

Гу Чжэнь особо не задумался, зевнул и сказал:

— Знаю, знаю, я пошёл спать.

Хэ Сюйлян проводил взглядом Гу Чжэня, пока тот не вернулся в Павильон Люйюань, только потом медленно встал, вернулся в Усадьбу Сицю, взял кисть, написал письмо, сунул его за пазуху и в одиночку вышел за дверь.

Эти спокойные дни прошли очень быстро, в мгновение ока минуло ещё несколько дней. За эти дни приехало и уехало немало чиновников с визитами, а Гу Чжэнь дареных подарков не пропускал — всё брал. Раз дарят, бери, даром что ли. А вот Гао Сю в эти дни так и не появлялся, не то что испугался, не то что разозлился. Гу Чжэнь всей душой был занят тем, чтобы возиться с травой-двойчаткой, за это время выполнение задания снова немного выросло, теперь уже было шесть баллов! Так болтаясь без дела, наконец наступил Малый Новый год.

Сегодня Гу Чжэнь поднялся пораньше, хотя на утренний приём всё равно не успел, но как раз успел к моменту, когда Цзян Юньсюань закончил утренний приём. Гу Чжэнь отправил людей пригласить его к себе.

Как только Цзян Юньсюань приехал в резиденцию канцлера, он сразу же попросился на ручки. Гу Чжэнь с улыбкой поднял его, потер носик и сказал:

— Сюань-эр снова поправился!

Губки Цзян Юньсюаня надулась высоко.

— Нет вообще, это сегодня слишком много одел.

Гу Чжэнь рассмеялся.

— Хорошо, хорошо, Сюань-эр и правда худой, это просто отец-канцлер постарел и тебя уже не поднимает.

Услышав эти слова, Цзян Юньсюань тут же обнял его, заискивающе сказал:

— Нет нет, отец-канцлер не стареет, отец-канцлер всегда будет сопровождать Сюань-эра.

Гу Чжэнь выслушал, погладил его по голове, слегка покачал головой. Тут Чан Сянлянь выступила вперёд и сказала:

— Милорд, конфеты и леденцы, которые вы приказали, уже разложены в главном зале, в боковом зале и на кухне.

Гу Чжэнь кивнул.

— Иди возьми отдельно немного, раздавай детям вокруг.

Чан Сянлянь на мгновение замер, ответила:

— Вокруг... нет детей...

Ведь раньше говорили, что как правительственный чиновник нужно приходить из народных масс и возвращаться в народные массы, а вокруг живут только высшие чиновники и титулованная знать. Как проявлять заботу о народе, как делать реальные дела для народных масс, о матушка, это влияет на карьеру.

[Система] усмехнулась:

— Это что, ещё и втянулся в игру? Даже если вокруг есть дети, ты думаешь, они осмелятся есть? С твоей громкой славой, боязно, что съев — сразу на месте умрут.

Гу Чжэнь:

— ...

Только ты каждый день открываешь рот и трещишь.

[Система] сказала:

— Нет, у меня нет рта.

Гу Чжэню было лень спорить с 007, он сказал Чан Сянлянь:

— Если вокруг нет детей, нанимай повозку, бери еды, леденцы, поезжай в ту пустую деревню за пределами округа. Неважно, есть там люди или нет, раздай немного еды. Едят они или нет — это их дело, но ты обязательно должен доставить, понятно?

После этого добавил:

— От имени императора.

Чан Сянлянь уже выработала иммунитет к непонятным поступкам Гу Чжэня, ответила и ушла. Цзян Юньсюань в радости сказал:

— Отец-канцлер, я знаю ту пустую деревню за пределами округа Жунсюань! Раньше там ведь кто-то жил, а потом кто-то заболел эпидемией и все умерли!

Гу Чжэнь посадил Цзян Юньсюаня на пол, присел на корточки, с серьёзным видом наставлял:

— Сюань-эр, отец-канцлер сейчас снова начнёт учить тебя, как быть человеком, как быть чиновником, как быть правителем. Прежде всего, то, что ты должен сейчас запомнить — это держать в сердце милосердие, понял?

Цзян Юньсюань наклонил голову и посмотрел на него:

— Отец-канцлер, о чём ты говоришь, Сюань-эр не понимает.

Гу Чжэнь взял тонкие плечи Цзян Юньсюаня, с суровым лицом сказал:

— Ты — правитель этой страны, лидер этой страны. Ты обладаешь верховной властью, и в то же время ты несёшь ответственность, от которой невозможно отказаться. То, что ты сейчас должен понять — это то, что везде, куда падает твой взгляд, это родина, все люди, которых ты видишь — это твои подданные. Печалься их печальми, радуйся их радостям. Если этого ты не понимаешь, то хотя бы пообещай отцу-канцлеру, что когда упоминаешь о смерти своих подданных, не должен использовать такой тон, понял?

Цзян Юньсюань слушал, находясь в тумане, скручивая пальчики.

— Не знаю.

Гу Чжэнь вздохнул, в голове просмотрел «Сокровищницу быстрого становления хорошим папой», затем переформулировал слова:

— Сюань-эр, представь, если однажды отца-канцлера не станет, он умрёт, когда ты будешь говорить об этом, какие чувства будешь испытывать?

Услышав эти слова, Цзян Юньсюань тут же заспорил, затопал ногами:

— Не будет, не будет, отец-канцлер не умрёт! Отец-канцлер, не смей так говорить!

Только тогда Гу Чжэнь показал немного утешительную улыбку и сказал:

— Правильно, ты должен относиться к своим подданным с таким же отношением, как к отцу-канцлеру. Они существа гораздо более важные, чем отец-канцлер.

Цзян Юньсюань надул губы.

— Нет не будет, нет ничего важнее отца-канцлера!

<http://bllate.org/book/16782/1543708>